

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/474/8

Сотериология Г.И. Успенского: от «свиньи» к «ангелу»

Татьяна Владимировна Дячук¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
dia4uk.tanya@yandex.ru

Аннотация. Впервые анализируется магистральный в творчестве Г.И. Успенского сюжет о борьбе «со свиньей», т.е. с бестиарной ипостасью человека. Утверждается, что в произведениях Успенского бестиарная образность, восходящая к покаянным канонам, осложнена народническими идеями. На материале художественных текстов Успенского и документов, связанных с болезнью писателя, делается вывод о единстве жизненных и творческих устремлений писателя, искавшего путь к воскресению павшего человека.

Ключевые слова: Глеб Иванович Успенский, народничество, покаянный канон, Борис Наумович Синани, воскресение из мертвых

Для цитирования: Дячук Т.В. Сотериология Г.И. Успенского: от «свиньи» к «ангелу» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 67–72. doi: 10.17223/15617793/474/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/8

Gleb Uspensky's soteriology: From “pig” to “angel”

Tatiana V. Dyachuk¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
dia4uk.tanya@yandex.ru

Abstract. In modern philological studies, interest in the pathological in Gleb Uspensky's creative personality prevails, namely in the history of his mental illness. The content of the hallucinations of the patient Uspensky is explained exclusively by his suppressed and deformed sexuality. The article offers a different look at Uspensky's creative personality. The aim of the article is to identify the religious and ethical dominant in the creative personality of Uspensky. The research material includes Uspensky's literary texts and documents related to the history of his illness (letters, memoirs of contemporaries, autobiography of the writer). The methodological basis of this study amounted to a combination of methods of biographic, textual, and comparative historical analysis. The article proves that in Uspensky's works, long before his fatal illness, the plot about the struggle of a person with their animal nature was realized. The animal image in Uspensky's essays goes back to penitential canons, in which a sinner, calling to Christ, compares oneself to a “pig lying in feces”. The Christian understanding of sin was complicated by a complex of populist ideas about the social guilt of the privileged classes. Only those heroes of Uspensky who are not engaged in physical labor and do not help people resemble pigs. The article discusses the specificity of the writer's religious views. According to Uspensky, Christ is a hidden God. Invisible and unnamed, he is there with Uspensky's characters in their acts of repentance. Images of the Savior and the resurrection from the dead dominate in Uspensky's late works and form the plot outline of his hallucinations in illness. As a result of the analysis of documentary evidence related to the writer's illness, it is concluded that the experience of spiritual weakness in the struggle with the “pig” was assessed by the sick Uspensky as a path to resurrection, that is, to the restoration of the image and likeness of God in himself. Comparison of Uspensky's letters, as well as the memoirs of his contemporaries, allows concluding that the sick writer perceived himself and those around him as direct participants in the Gospel events – the mystery of the Resurrection. The writer experienced his bodily suffering in the projection of Christ's torment on the cross. Thus, Uspensky's soteriological experience testifies to the unity of his life and creative efforts aimed at fighting sin and gaining holiness.

Keywords: Gleb Uspensky, populism, penitential canon, Boris Sinani, resurrection from the dead

For citation: Dyachuk, T.V. (2022) Gleb Uspensky's soteriology: From “pig” to “angel”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 67–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/8

Литературная судьба Глеба Успенского уникальна тем, что душевная болезнь, прервавшая его писательство, была воспринята современниками и потомками

как высшая точка его творческого пути. Документально зафиксированный бред больного Успенского явился своего рода «подстрочником» к его творче-

ству; текстом, разъясняющим духовные основы его личности. Поэтому после периодов забвения интерес к Успенскому инициировался перечитыванием истории его болезни [1–4].

В настоящее время внимание исследователей вновь обращено к трагической истории раздвоения Успенского. В ее истолковании современные филологи следуют за Р.О. Якобсоном, который в работе «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» (1956) сопоставил бред раздвоения с реалистическим методом писателя и оба явления объяснил действием метонимического закона [5]. В интерпретации Якобсона творческая личность Успенского оказывалась в тени ущербности. Спустя столетия в этой оптике было осуществлено новаторское исследование Генриетты Мондри «Pure, strong and sexless: the peasant woman's body and Gleb Uspensky» (2006). Используя метод Мишеля Фуко, исследовательница обнаружила, как идеологические и культурные догмы 1860–1880-х гг. деформировали и подавляли сексуальность Успенского. В фантомах его помраченного сознания Мондри прочитывала историю сексуальной патологии [6]. Развивая мысль Мондри, современному исследователю П.Ф. Успенскому оставалось лишь признать, что «сексуальность – ключевая проблема мировоззрения Успенского» [7. С. 51].

Между тем творческое наследие писателя, в большей части непрочитанное и неисследованное, заставляет усомниться в объективациях подобного рода и обратить внимание на другие контексты понимания Успенского. Цель настоящей статьи – на материале творчества Успенского и документальных свидетельств о его болезни доказать единство и жизненных и творческих устремлений писателя, искавшего путь к воскресению человека.

Как известно, душевная болезнь писателя протекала в форме шизофренического раздвоения личности. Личность писателя расщеплялась на ангела, названного именем святого Глеба, и свинью, обозначаемую отчеством Иваныч, с которым были связаны негативные воспоминания о родительской семье Успенского. Пребывание в облике свиньи сопровождалось физиологическими отправлениями тела, сексуальным возбуждением и проявлениями агрессии. Выход за пределы телесного «я» приводил к обретению ангельского облика Глеба. Бестелесный Глеб был свободен от мучительных требований пола и обладал способностью летать. «Задача» больного Успенского состояла в том, чтобы расподобиться со свиньей и быть святым Глебом.

Между тем борьбу со «свинством» Успенский вел не только в годы болезни, но и на протяжении всей своей сознательной жизни. Так, в 1870-е гг. Успенский приходит к твердому убеждению в духовной поврежденности человека, для которой писатель придумывает метафору «больная совесть». Семантика болезни сопровождается названиями его очерков тех лет: «Больная совесть» (1873), «Не воскрес» (1877), «Три письма» (1878) (в первой публикации с подзаголовком «Из рассказов безнадёжного»), «Неизлечимый» (1875), «Голодная смерть» (1877). «Болезнь» совести

связана с осознанием своей греховности, которая обозначается Успенским как «свинство», «свиной человек» или «свиной элемент». Писатель разделял христианское толкование свиньи как животного, обладающего inferнальными чертами. Этот ближайший зооморфный «родственник» человека, как известно, занимает центр бестиария дьявола [8. С. 28]. «Свинством» отмечены представители сословий, не занятых физическим трудом. В терминологии Успенского они «неплательщики» (см. очерк «Неплательщики» (1876)), паразитирующие на народном теле. Таким образом, в творческом сознании писателя христианские представления о духовной поврежденности человека были синтезированы с идеями радикального народничества.

Так, в рассказе «Неизлечимый» речь идет о дьяконе Аркадии, у которого заболела совесть. Причиной «болезни» совести стала встреча с госпожой Абрикосовой – богатой купчихой, отказавшейся от своего привилегированного положения и ставшей учительницей в школе для бедных. По словам дьякона, «нежданно, негаданно в освиленную мою душу вдруг влетело что-то божеское, – и стала мне чистая смерть от этого...» [9. Т. 4. С. 214]. Болезнь совести связывается Успенским с острым зрением своей греховности: похоти, алчности, равнодушия к ближнему. Бремя своих грехов герой сравнивает с испражнениями: «Совесть проснулась в душе и, как ключ под навозной кучей, развезла эту кучу по всему двору, стало все распозаться – грязь! Умирай!» [9. Т. 4. С. 192]. Жаждающий одолеть в себе «свинью», дьякон Аркадий подобен грешнику из «Канона покаянного Господу нашему Иисусу Христу», восклицаящему: «Кто творит тако́ва́я, я́коже аз? Я́кожебосвини́я ле́житъ в калѹ́, та́ко и аз грехѹ́ служѹ́. Но Ты́, Го́споди, исто́ргни́мъ отъ гнѹ́са се́го и да́ждь ми́ се́рдцетвори́ти за́поведи Твоя́» [10]. (Успенский, в юности отличавшийся, по словам его сестры, «чрезвычайной религиозностью», хорошо знал покаянные каноны [11. С. 155]). «Свиньями» оказываются в той или иной степени все герои «Неизлечимого», а время, в которое им доводится жить, определяется Успенским как «судебное» [9. Т. 4. С. 214]. Дьякон Аркадий заявляет: «Не понимаете, что вы свиньи, я-то знаю!.. Вот уж именно животные... Да помилуйте... Я и болен от свинства; от чего ж это я лечусь-то, как не от свинова элементу. – Да душу-то хочу свою из свиной в человеческую обратить... вот для чего!» [9. Т. 4. С. 191].

В поисках исцеления дьякон читает статью П.Л. Лаврова «До человека» (1870) и с тоской спрашивает окружающих, кто такие «хилясты» [9. Т. 4. С. 185]. Состояние своих современников Успенский оценивает как состояние «до человека», но проникнутое надеждой на водворение Тысячелетнего царства Христа (в этом контексте имя дьякона прочитывается как нереализованная возможность устроения рая на земле). Герой раскаяния – дьякон Аркадий – начинает «лечить» больную совесть известным средством, т.е. пить горькую: «...совесть стала кричать все громче и громче, да и свиной человек, тот стал наравне с совестью неистовствовать... Совесть-то меня вон куда

вознесет, а свиной человек – низвергнет... Больно мне, мучительно, несказанно было больно!...» [9. Т. 4. С. 216].

Герои Успенского, как впоследствии и сам писатель, это люди, говоря словами святителя Игнатия Брянчанинова, «болезнующие грехом», жаждущие, но не обретающие исцеления. По Успенскому, можно осознать в себе свинью, но невозможно перестать ею быть. Не случайно первоначальное название рассказа – «Больной» – Успенский заменяет на «Неизлечимый». В цикле «Скучающая публика» (1884) Успенский представил купца Тараканова. Портрет героя, «человека пухлого, раздутого, точно налитого» со «щетиистой шеей» [9. Т. 9. С. 28] и с усами, которыми он пользуется в качестве закуски, а также его «хриплая» речь, в которой поминутно поминаются «рыло», «морда», «хрюкать», «хлев», «чавканье», «пойло» и т.п. – говорят сами за себя. Это человек-свинья. Герой рассказывает долгую историю своей «свинской» жизни. Тараканов принадлежит к сословию купцов, которые (в представлении Успенского) являются социальными паразитами. Поэтому условием победы над «свиньей», по Успенскому, является отречение от родового «греха» тунеядства. В «Автобиографии» писатель поведал о собственном отречении от родового «гнезда». Счеты с чиновничьим прошлым своего рода Успенский свел в произведениях с «говорящими» названиями: «Разорение» (1869) и «На старом пепелище» (1876).

В 1870-е гг. перед русской интеллигенцией открылся путь к возрождению в деятельной любви к ближнему. Интеллигенция отправилась «в народ», чтобы искупить свой исторический «грех» – пользование плодами наук и культуры за счет трудящихся масс. Как заявлял идеолог народничества и ближайший друг Успенского Н.К. Михайловский в статье о романе Достоевского «Бесы», «долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем» [12. С. 79], в этом состоит «подвиг искупительного страдания» [12. С. 79]. Цитата из Евангелия о бесах, вошедших в стадо свиней (Евангелие от Луки. Глава VIII, 32–36), ставшая эпиграфом к роману, показала Михайловскому неуместной. Критик писал: «Бес служения народу – пусть он будет действительно бес, изгнанный из больного тела России, – жаждет в той или другой форме искупления, в этом именно вся его суть» [12. С. 83]. Репликой Успенского в этой полемике о свиньях и бесах стал цикл «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), где писатель отождествил себя и народническую интеллигенцию с «беспорядочной, безобразной массой, со свистом и шумом» летящей «в бездонную пропасть» [9. Т. 7. С. 55]. В интерпретации Успенского драма «бесов»-«свиней»-интеллигентов состояла в том, что их жажда искупления осталась неудовлетворенной. Из «пропасти» греха герои Успенского зывают к Христу.

Образ Спасителя в прозе Успенского всегда присутствует как знак потаенного, и поэтому он трудно уловим для комментаторов. Писатель часто вспоминает о Христе. В личном богообщении Успенский видит главное утешение своей жизни. В «Автобио-

графии» об этом сказано: «Лицо, которого я мог не видеть никогда, но облик и сущность которого я чувствовал всем сердцем – мой родной, родственник, друг. Что бы ни случилось, я знаю, что “он” есть, а стало быть, не надо и робеть» [9. Т. 14. С. 576–577].

Верой в то, что незримо «“он” есть», проникнуты очерки «Крестьянин и крестьянский труд», герой которых крестьянин Иван Ермолаевич ощущал Бога «до осязания» [9. Т. 7. С. 27]. Еще один крестьянин в очерке «Избушка на курьих ножках» (1887) рассуждает о боге: «Он тут близко. Теперь твердо знал, что я не один на свете. Около меня есть попечитель, он меня сбережет, не даст погибнуть... И я вот всю жизнь мою живу по его повелению... Что ни случись, куда меня ни кинь, мучай меня, а я уж твердо знаю, что есть надо мной око и, стало быть, надо только слушаться повеления божия...» [9. Т. 10, кн. 2. С. 157]. В очерках «Мы на словах, в мечтаниях и на деле» рассказывается о константинопольском храме святой Софии, в куполе которого замазан облик Распятого, но: «...он есть несомненно, и несомненно руки распростерты в благословении.. Лики ангелов также затерты и запачканы, – но ангельские крылья целы и невредимы, – стало быть, есть и подлинные ангельские лики. Всё это тонуло во тьме, в пыли, было запачкано, “не в своем виде”... но несомненно там есть свой светлый облик...» [9. Т. 10, кн. 2. С. 19].

В шестом очерке из того же цикла Успенский вспоминает о картине В.Д. Поленова «Христос и грешница» (1888), на которой его восхитила «немного сложно написанная» фигура Христа, представленного не в центре композиции, а на ее периферии, как будто в тени. По словам Успенского, Поленова обвиняли в том, что «не разберешь», где Христос. А ведь: «Не будь Христа и его нежного сердца – ведь эти темные люди, с глупого разума, убили бы ни в чем не повинного человека» [9. Т. 10, кн. 2. С. 62]. Восклицание «Жутко, жутко в толпе “без Христа!”» [9. Т. 10, кн. 2. С. 65] несколько раз повторяется в очерке.

Не лишено основания предположение Г. Мондри, что экфрасис Венеры Милосской в «Выпрямила» содержит аллюзии на иконописное изображение Христа [6. С. 75–81].

Образ Христа в позднем творчестве Успенского всегда связан с темой воскресения. Впервые о воскресении заявлено в повести «Тише воды, ниже травы» (1870), где дана пронзительная сцена детского безумия: юродивая девочка взывает к Христу, умоляя воскресить ее мать [9. Т. 3. С. 219]. В 1880-х гг. писатель охвачен пасхальным мироощущением. Так, в очерке «Взбрело в башку» 5 раз повторяется словосочетание «воскрес из мертвых» и 7 раз в разных грамматических формах глагол «воскреснуть». В очерке «Избушка на курьих ножках» (1887), где речь также идет о воскресении из мертвых, весенний пейзаж дан в тонах пасхального праздника: «Для художника этот момент весны не дает никаких ярких и радующих красок: рыжая мертвая трава, кое-где еще придавленная почерневшими, отверделыми пластами снега; голые и притом кажущиеся как бы голодными и холодными деревья, истощенная, вялая, пролежавшая себе бока

до голого тела скотина, вся запачканная, неряшливая, и такие же смятые, скомканные, побледневшие, отошавшие за зиму люди – всё это не возбуждает художественного волнения; но на всё это нищенство природы, людей и животных ярким полымем палит развеселое солнце, а среди холодной и голодной растительности берегов разыгралась река, с каждой минутой поднимающая всё выше и выше свои воды, всегда в эту пору года отливающая самым нежным лазуревым цветом. Начинается воскресенье из мертвых, мертвец начинает теплеть, и счастье жить на белом свете ощущается всем живым и веет от всего не живо-го...» [9. Т. 10, кн. 2. С. 144–145]. Успенский повторяет: «удовольствие чувствовать начинающееся воскресение», «удовольствие чувствовать воскресение из мертвых» [9. Т. 10, кн. 2. С. 146]. В очерке «Недописанная глава» (1885) о весне сказано: «Нужно только внимательно смотреть на эту смерть, чтобы потом своими глазами увидеть “воскресение Лазаря”, увидеть, как он выходит из гроба живым, обрадоваться созная, что и нет, и не было смерти, и не будет» [9. Т. 10, кн. 1. С. 474].

Путь к воскресению, по мысли народника Успенского, нужно искать в крестьянском труде («Крестьянин и крестьянский труд», «Трудами рук своих» и др.) и в деятельной любви к ближнему (очерки «Народная интеллигенция» из цикла «Власть земли», очерки «Радетели о народной совести», «Невидимки», «О том, что натворила акушерка Анна Петровна» из цикла «Грехи тяжкие»).

Прежде чем обратиться к болезни Успенского, обобщим мотивы его творчества, составившие канву последующих болезненных фантазий писателя. Человек, ведущий паразитический образ жизни (в понимании Успенского не занятый физическим трудом или практической помощью ближнему), неизбежно проявляет бестиарные свойства свиньи: похоть, алчность, злобу. Совесть человека-свиньи больна. Без Христа борьба «со свиньей» обречена на поражение.

В 1880-х гг. в творчестве Успенского появляется тема гниения и запаха нечистот. Приведем фрагмент из некролога, посвященному журналисту Н.А. Демерту («Н.А. Демерт») (1876) «Далеко не всё, что он знал об этой действительности, он печатал, но <не> думать обо всем, <не> чувствовать всё, именно всё, чем дышала на него -эта масса материала, он не мог... И вот с каждым днем, с каждым годом всё больше и больше, всё выше и выше росли вокруг него эти стога полугнилого, удушливо пахнувшего сена, накошенного в широких и пустынных полях русской жизни... Удушливый запах их, запах, которым дышал он много лет изо дня в день, дурно действовал и на мозг и на сердце. От него кружилась голова, слабли руки, слабо сердце, но отбиться от него не было возможности. Он преследовал везде: на улице, в гостях, в театре; запах обезнадёженной действительности всосался во все поры тела, мозга, сердца... А стога росли выше и выше... и конца им не видно было. Что тут делать, что тут предпринять?» [9. Т. 6. С. 75]. В очерке «Буржуй» (1885) дан обобщенный образ капиталиста Хрюшкина – «больной и дряблой, несчастной свиньи» [9. Т. 9.

С. 479]. Хрюшкин распространяет «в живом людском обществе запах холодного трупа» [9. Т. 9. С. 468]. Миазмы трактуются Успенским в контексте народной критики капитализма – так «пахнет» новый общественный порядок. Однако с конца 1880-х гг. Успенскому становится очевидно, что запах испражнений относится к сфере его собственных обонятельных галлюцинаций. Писатель осознает этот запах как «гниение» своей души.

Чем глубже Успенский погружается в болезнь, тем сильнее в нем жажда воскресения, о которой он взывает в письмах тех лет: «Дайте мне возможность воскреснуть из мертвых» (в письме к В.М. Соболевскому от 4 июня 1890 г.) [9. Т. 14. С. 418]; «Если бы Вы знали, как я неминуемо иду к гибели и что я с утра до ночи испытываю на душе, то не думали бы, что совесть забывчива, – она мертва, недвижима. Вот что происходит, ангелочек мой. <...> Что бы Вам, отцы мои, хоть строчку написать болящему и умирающему. Напишите мне, страннички божии, осияйте мне мою душу мертвую!..» (в письме к В.Г. Короленко от 17 октября 1890 г.) [9. Т. 14. С. 446].

С 1892 по 1902 г. писатель содержался в нескольких лечебницах для душевнобольных. Самое длительное пребывание было в Колмовской больнице под Новгородом. Лечащим врачом Успенского был известный психиатр Б.Н. Синани. Он оставил подробный дневник, в котором фиксировал состояние больного, содержание его бреда и лекарственные назначения. Успенскому был ошибочно поставлен диагноз паранойя (заболевание, которое подвергалось лечению в конце XIX в.), хотя Синани колебался, замечая у пациента клинические проявления паралича.

«Дневник» Синани – это не только история врачебной ошибки, но и личный документ, изображающий сложную гамму чувств, испытываемых врачом по отношению к пациенту. Трудно представить более несхожих людей, чем Синани – атеист, рационалист и скептик (см. воспоминания О.Э. Мандельштама в «Шуме времени») и Успенский – человек верующий и экспансивный. Здесь столкнулись несостоявшиеся амбиции врача и религиозная драма, переживаемая пациентом. В конце «Дневника» прочитывается враждебность Синани к своему пациенту, ирония над его молитвами, над его исступленной жаждой покаяния. Об отношении пациента к врачу говорят следующие слова из «Дневника» Синани: «Источником зла в моей деятельности он (Глеб Успенский. – Т.Д.) считает, главным образом, то, что я не христианин» [13. С. 591].

Психиатр подробно описал мучивший писателя бред превращения в свинью. Подобно уже упомянутому купцу Тарakanову, Успенский ощущал себя в бестиарном теле свиньи. Обращению в зверя предшествовало отречение от Христа, в результате которого писатель «стал чувствовать постепенное превращение своего организма из человеческого в свиной. Сперва стал окостеневать его хребет и принимать форму свиного хребта, потом изменились и ребра. Словом, теперь он свинья совсем, не фигурально, а буквально имеет образ свиньи. Превращение это бесповоротно, непоправимо» [13. С. 518]. Больной пытался вернуть

себе человеческий образ, стараясь путем увечий победить «свинью». В личине свиньи больного преследовали сцены разврата и насилия.

Периодические обращения в свинью приносят страдания Успенскому. Он раскаивается, плачет и молит о спасении. В отличие от героев, побежденных «свиным человеком», их автору удастся испытать на себе чудо Воскресения, погрузиться в атмосферу евангельских событий. В этом отношении ценнейшим источником сведений о больном Успенском являются воспоминания ординатора Колмовской больницы О.В. Аптекмана. Свидетельство этого мемуариста особенно ценно тем, что он не ставил целью продемонстрировать религиозный характер бреда Успенского. Его задача была иной – доказать непреходящее значение народнических идей, верность которым Успенский сохранил, по мнению Аптекмана, даже в болезни.

Мемуарист рассказывал о том, что ко всему живому больной Успенский испытывал христианскую любовь-сострадание. Его вселенская любовь-жалость распространялась на людей, животных и даже траву, которой больно, когда ее косят [14. С. 107–110]. Все окружавшие Успенского люди представлялись ему святыми, женщины – богородицами, а самого Осипа Аптекмана писатель принимал за Иосифа Аримафейского – влиятельного члена синедриона и тайного ученика Христа. Согласно преданию, тот «испросил у римского префекта Иудеи Пилата тело распятого Иисуса Христа и, получив разрешение, снял его с креста <...> и похоронил в гробнице, принадлежавшей ему самому» [15. С. 239]. «Иосифу Аримафейскому» Успенский твердил о том, что находится «в бесконечном гробу», «Иуда-предатель держит его в этом гробу...» [14. С. 103].

Свои страдания больной Успенский переживал в проекции крестных мук Спасителя. Подобно Христу, больной Успенский, испытав тяжелые муки, получает обетованное Воскресение. Об этом Синани пишет: «Но вот ночью он стал испытывать удивительное явление превращения во всем теле. По всему телу шло удивительное превращение, по всему телу стало разливаться, начиная с ног, как электрический ток, что-то хорошее, теплое. Он весь преобразился, он чувствовал себя счастливым, он воскрес, он чувствовал себя так, как никогда за все свои 50 лет... Он воскрес, он был совершенно чист, без пятнышка, чист, совсем святой» [13. С. 566].

О себе, воскресшем, Успенский рассказывает в письмах к жене и сыну. В письме к жене от 1 августа

1893 г.: «...я глубоко раскаялся и <...> положительно воскрес: бог меня спас – я весь мгновенно переродился, воскрес, – событие в моей жизни, в жизни твоей, всех наших детей, и всех, кто знает меня на Руси, необыкновенное. <...> Воскресение это во мне! Каждую минуту я воскресаю в счастии жить и в любви к богу! Верь мне, верьте мне все. – приду домой неузнаваемым. Радость и счастье принесу я с собой!» (цит. по: [16. С. 163–164]). В письме к сыну (осень 1893 г.): «Глубокая любовь к богу обрадует и всех, кто знает меня на Руси, а того моего воскресенья в любви господу богу, не описать... Я приду с глубокой любовью и я люблю всех и вся, что сотворено богом» (цит. по: [16. С. 183]).

Все процитированные письма подписаны «Ангел Господен Глеб». Больной Успенский достигает состояния Воскресения, которое, согласно христианскому учению, есть преображение в ангела («Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Марк. 12, 25), «ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения» (Лук. 20, 35–36).

Испытанная больным Успенским радость Воскресения была лишь эпизодом в его неизлечимой болезни. Писатель всё глубже погружался в молчаливые глубины безумия. Советские психиатры, изучившие «Дневник» Синани, отметили затяжное течение болезни Успенского, которая обычно заканчивается смертью в течение 4–5 лет. Этот удивительный факт был объяснен «значительной сопротивляемостью» пациента, ведь ему было что терять [17. С. 512].

Напряженная духовная работа Успенского по преодолению «свиного человека» спасала, насколько возможно, его личность от окончательного распада и небытия. Когда-то на вопрос Михайловского, почему только он, Успенский, видит ангелов, а прочие не видят, писатель отвечал, что ему это «дано» за испытанные им страдания [18. С. 146]. Вероятно, суть сотериологического опыта Успенского состоит в том, что воскреснуть можно лишь до конца осознав себя «свиной, лежащей в кале», пройдя мучительную болезнь совести, бьющейся, если вспомнить метафору из «Неизлечимого», под «навозной кучей» совершенных грехов.

Жизнетворческие усилия Успенского были сосредоточены на идее воскресения павшего человека. Сотериологический опыт писателя оказался востребован русской культурой, о чем свидетельствует традиция создания биографий-житий Глеба Успенского [2–4].

Список источников

1. Мережковский Д.С. Иваныч и Глеб // Мережковский Д.С. Акрополь : Избранные литературно-критические статьи. М. : Книжная палата, 1991. С. 227–247.
2. Давыдов Ю.В. Вечера в Колмове : Повесть о Г. Успенском. М. : Книга, 1989. 332 с.
3. Шаврыгин С.М., Старостина Г.В. «Нельзя же быть вечно писателем...» О личности и творчестве Г.И. Успенского // Литература в школе. 1997. № 2. С. 26–34.
4. Смирнов В.Б. Житие святого Глеба : роман-воспоминание. Волгоград : Издатель, 2008. 411 с.
5. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 110–132.
6. Mondry H. Pure, strong and sexless : the peasant woman's body and Gleb Uspensky. Amsterdam ; New York, 2006. 283 с.
7. Успенский П. Гипотеза Якобсона, Глеб / Иванович и перверсия : безумие Г. Успенского и его рассказ «Выпрямила» // Новое литературное обозрение. 2020. № 5 (165). С. 44–62.
8. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб. : Александрия, 2012. 448 с.

9. Успенский Г.И. Полное собрание сочинений : в 14 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. : Изд-во АН СССР, 1941–1954.
10. Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. URL: <https://pravoslavie.ru/104903.html> (дата обращения: 19.06.2021).
11. Добровольский П.М. Материалы для биографии Г.И. Успенского // Труды Черниговской губернской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 6.
12. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М. : Искусство, 1995. 588 с.
13. Синани Б.Н. Дневник // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 4. М. : Издание ГЛМ, 1939. С. 515–597.
14. Аптекман О.В. Страница из «скорбного листка» Г.И. Успенского (По личным воспоминаниям и наблюдениям) // Русское богатство. 1909. № 7. С. 92–124.
15. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / отв. ред. : И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина. Ч. 1: Мортальные сюжеты и мотивы в русской литературе XI–XVII веков / авт.-сост. С.К. Севастьянова, Е.Э. Худницкая. Новосибирск : Гео, 2018.
16. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 4 : Глеб Успенский. М. : Издание ГЛМ, 1939.
17. Зиновьев П.М. Больной Успенский // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 4: Глеб Успенский. М. : Издание ГЛМ, 1939. С. 481–515.
18. Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Еще материалы для биографии Г.И. Успенского // Русское богатство. 1902. № 4. С. 132–156.

References

1. Merezhkovskiy, D.S. (1991) *Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Acropolis: Selected Literary Critical Articles]. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 227–247.
2. Davydov, Yu.V. (1989) *Vechera v Kolmove: Povest' o G. Uspenskom* [Evenings in Kolmov: The Tale of G. Uspensky]. Moscow: Kniga.
3. Shavrygin, S.M. & Starostina, G.V. (1997) "Nel'zya zhe byt' vечно pisatelem..." O lichnosti i tvorchestve G.I. Uspenskogo ["You can't be a writer forever..." About the personality and work of G.I. Uspensky]. *Literatura v shkole – Literature at school*. 2. pp. 26–34. (In Russian).
4. Smirnov, V.B. (2008) *Zhitie svyatogo Gleba: roman-vospominanie* [Life of St. Gleb: a memoir novel]. Volgograd: Izdatel'.
5. Yakobson, R.O. (1990) Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narusheniy [Two aspects of language and two types of aphatic violations]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 110–132. (In Russian).
6. Mondry, H. (2006) *Pure, strong and sexless: the peasant woman's body and Gleb Uspensky*. Amsterdam; New York: Rodopi.
7. Uspenskiy, P. (2020) Jakobson's hypothesis, Gleb / Ivanovich and perversion: Uspensky's madness and his short story straightened. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5 (165). pp. 44–62. (In Russian).
8. Pasturo, M. (2012) *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [Symbolic history of the European Middle Ages]. Translated from French by E. Reshetnikova. Saint Petersburg: Aleksandriya.
9. Uspenskiy, G.I. (1941–1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: USSR AS.
10. Pravoslavie.ru. (n.d.) *Kanon pokayannyi ko Gospodu nashemu Iisusu Khristu* [Canon of repentance to our Lord Jesus Christ]. Available from: <https://pravoslavie.ru/104903.html> (Accessed: 19.06.2021).
11. Dobrovolskiy, P.M. (1905) Materialy dlya biografii G.I. Uspenskogo [Materials for the biography of G.I. Uspensky]. *Trudy Chernigovskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 6.
12. Mikhaylovskiy, N.K. (1995) *Literaturnaya kritika i vospominaniya* [Literary Criticism and Memoirs]. Moscow: Iskusstvo.
13. Sinani, B.N. (1939) Dnevnik [Diary]. *Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya*. 4. pp. 515–597.
14. Aptekman, O.V. (1909) Stranitsa iz "skorbnogo listka" G.I. Uspenskogo (Po lichnym vospominaniyam i nablyudeniym) [A page from G.I. Uspensky's "woeful note" (According to personal memories and observations)]. *Russkoe bogatstvo*. 7. pp. 92–124.
15. Silant'ev, I.V., Kapinos, E.V. & Proskurina, E.N. (eds) (2018) *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Index dictionary of plots and motives of Russian literature]. Pt. 1. Novosibirsk: Geo.
16. Gosudarstvennyy literaturnyy muzey [State Literary Museum]. (1939) *Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya*. 4.
17. Zinov'ev, P.M. (1939) Bol'noy Uspenskiy [Sick Uspensky]. *Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya*. 4. pp. 481–515.
18. Mikhaylovskiy, N.K. (1902) *Literatura i zhizn'*. Eshche materialy dlya biografii G.I. Uspenskogo [Literature and life. More materials for the biography of G.I. Uspensky]. *Russkoe bogatstvo*. 4. pp. 132–156.

Информация об авторе:

Дячук Т.В. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Dyachuk, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021;
одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 28.01.2022.